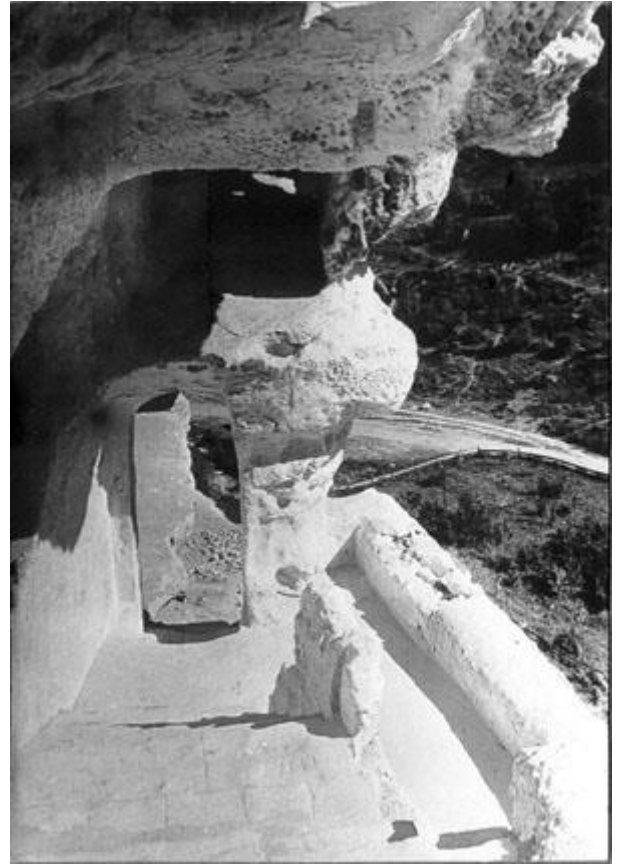

—Руководил нашей практикой преподаватель с геологического факультета, доцент, кажется, Ансберг, лет за сорок с гаком, невысокий, с жёсткими усиками, тренированного вида. Мы им были более довольны, чем он нами. Геология никого из нас особенно не интересовала, даже меня, не так давно ещё мечтавшего стать геологом. Основное направление нашей кафедры было, соответственно факультету, физическим, и большая часть из нас ориентировалась на занятия в дальнейшем физикой околоземного космоса - направлением новым и модным. В известном смысле геологическая практика на нашей кафедре была анахронизмом, данью традициям. Фактически вся разведочная геофизика давно уже сконцентрировалась на геологическом факультете, где существовала своя кафедра геофизики. Правда, там она называлась кафедрой геофизических методов разведки полезных ископаемых, а наша - кафедрой физики Земли. Специальности геоэлектрика, сейсмология, палеомагнетизм, хоть как-то связанные с геологией, не слишком привлекали студентов. Все, кто посильнее, стремились распределиться по новой специальности - геомагнетизм и аэрономия, изучающей процессы в ионосфере и магнитосфере Земли, а не в её недрах.

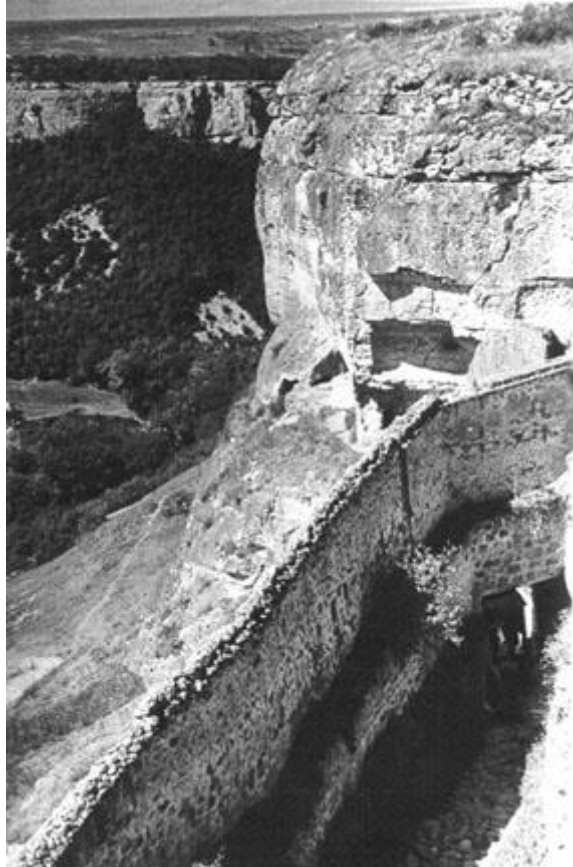
—Тем не менее геологическую практику никто не собирался закрывать, и она пользовалась огромной популярностью среди студентов, по крайней мере, как туристическое мероприятие. Мы так к ней и относились. Ансберг же добросовестно старался привить нам и геологические познания, огорчаясь отсутствием особого энтузиазма у нас по этой части.

Кара-Даг и Танька Рассказчикова

Остатки пещерного монастыря в Бахчисарае

Чуфут-Кале

— С утра Ансберг уводил нас в окрестные горы изучать их геологическую структуру. Мы с удовольствием ходили в эти походы, не очень внимательно слушая его пояснения, в основном любовались просто местными красотами. Поскольку Ансберг был человек хороший, добрый, то он не слишком-то и упрекал нас в познавательной ленивости по части геологии, а старался всю использовать романтическую сторону практики в Крыму и, будучи сам большим ценителем красоты природы, воспитывал нас эстетически.

— Помимо регулярных обследований живописных окрестностей Трудлюбовки, Ансберг устраивал для нас поездки (в открытом кузове грузовика) по всему Крыму, возил нас в Никитский ботанический сад, в Феодосию, в Коктебель, где мы лазили на Кара-Даг, до вершины которого я, правда, не добрался, так как был снят Ансбергом с маршрута за нарушения дисциплины восхождения: я с фотоаппаратом, выбирая точки для съёмки, всё время карабкался куда-то в сторону, и ему в конце концов надоело делать мне замечания. Ирония судьбы: на этом маршруте только сам Ансберг и получил травму - оступился и неудачно упал на руку, сильно её подвернув. Запомнилась поездка в Бахчисарай, шашлыки у Бахчисарайского дворца, но в особенности - Чуфут-Кале, пещерный город на вершине горы километрах в пяти от Бахчисарая с глубокими колеями, проезженными на каменных дорогах улиц колёсами древних повозок.

— На базе в Трудлюбовке мы проводили в основном вечернее и ночное время. Играли в настольный теннис и преферанс. В "преф" резались обычно я, Мишка и Толик Щербина, а иногда и Ансберг с нами. Выигрывал чаще всего Щербина, он играл по высшему классу, казалось, что и прикупа нужные ему сами в руки идут.

— Перед сном в палатке переговаривались. Жарких споров не было, так как не было особых разногласий. Вспоминали и обсуждали свою недавнюю армейскую жизнь. В эти разговоры вмешивался Дамир Хабибуллин - высохший как мумия татарин, самый старший из нас, отец уже двоих детей, то ли сердечник, то ли язвенник, кажется, и то и другое вместе. В лагерях он не был, так как обладал "белым билетом", то есть считался негодным к службе по состоянию здоровья. Но он-то как раз ещё до университета отслужил срочную службу, где и нажил себе свои болячки.

— По его рассказам наши сборы были семечки, пионерский лагерь. Он же попал под начало командира, который терпеть не мог нацменов, а Дамир ещё и по складу характера не мог быть расторопным солдатом - тихий, рассеянный, наивный, плюс физическая тщедушность. Довели его муштрой и насмешками до того, что он уже подумывал, как бы своего командира пристрелить, тем более, что ожидалась заваруха: ему довелось служить в Берлине в период берлинского кризиса, когда сооружалась знаменитая стена между Западным и Восточным Берлином. Видел в лицо противников - американских солдат. Весёлые, говорит, ребята. К счастью, до вооружённого конфликта дело не дошло.

— Дамир, кстати, - имя не натуральное, оно расшифровывается как "Даёшь мировую революцию!"...

— Дима Ивлиев делился своими впечатлениями от произведений Томаса Манна, он тогда очень увлекался им и заразил этим увлечением меня. Осенью я купил в букинистическом магазине за 5 рублей десятитомник Томаса Манна в очень приличном состоянии. Тогда ещё не было книжного бума, и народ равнодушно взирал на пылившиеся на полках собрания классиков. Это моё приобретение способствовало тому, что наши беседы с Димой по поводу Томаса Манна продолжались потом ещё длительное время и способствовали нашему сближению.

(продолжение следует)